

УДК 821.161.1-081«17»

Динамика «светового сюжета» в
русской литературе XVIII века

А. А. Харлушина

*Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова*

E-mail: alla-la28yanv@mail.ru

Научная статья

Обращается внимание на наличие в произведениях русской литературы эпохи Просвещения различных «световых» формул. Данное явление не просто рассматривается как таковое, но прослеживается путь его развития на протяжении всего столетия. В стихах, одах, псалтырных текстах можно увидеть ярко выраженную тематику света, которая, однако, выполняет самые разные функции.

Ключевые слова: эпоха Просвещения; поэты XVIII века; идея света; световые сюжеты; мотивы; метафоры и формулы.

Dynamics of «light plot» in the
Russian literature of the XVIII
century

A. A. Kharlushina

P.G. Demidov Yaroslavl State University

Scientific article

Attention is drawn to the presence of various "light" formulas in the Russian literature of the Enlightenment. This phenomenon is not just seen as such, but one can trace the way of its development throughout the century. The poems, odes, psaltery texts reveal a clear theme of light, which, however, performs a variety of functions.

Keywords: age of Enlightenment; the poets of the eighteenth century; the idea of light; light scenes; motifs; metaphors and formulas.

XVIII век в России принято называть «веком Просвещения». Данное столетие осознавало себя как эпоху разума и света, возрождения свободы, рассвета наук и искусств. Идея «света», способного полностью изменить мир, нашла свое отражение во всех сферах культуры. В данной статье рассмотрим «световой сюжет» русской литературы XVIII столетия, а также проследим, как развивалось и трансформировалось данное явление на протяжении всей эпохи. Безусловно, самым репрезентативным жанром в русской литературе того времени была ода, поскольку именно в ней происходило утверждение новых государственных ценностей. Поэтому в данной статье тема преимущественно будет рассматриваться на примерах панегирических произведений.

Практически все поэты XVIII века стали проводниками просветительских идей. Неслучайно в основании большинства классицистских текстов лежит идея света, представленная во всем ее многообразии («свет», «сияние», «блеск», «ясность», «солнце», «заря», «восход» и т. п.). «Световая» топика организует внутренний смысл произведений Ф. Прокоповича, В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина, В. В. Капниста, М. Н. Муравьева, А. Н. Радищева и др.

Данный мотив возникает не на пустом месте. Использование «световых формул» было характерно для светской литературы XVII века. Так, у С. Полоцкого в «Стихах к государыни царицы» (1660 г.), обращенных к Марии Ильиничне, присутствует развернутое сравнение монархини с солнечным светом:

Две Бог **светиле** велие на небе,
Две созда в Руси, – с государем тебе,
Царице наша, бы мир просвешчати,
Як луна з слонцем светло исправляти.

Сего аз дела на **пресветло** лице
Твое взирая, Марие, царице.
О сияй светом, аки от светила,
Молствую Бога да бысть ся не тмила.
Свет диадимы тебе украшает,
Россия тебе лепотою знает [1, с. 41].

Безусловно, литература XVII века была неразрывно связана с церковно-книжной традицией, главным образом, с текстами Псалтыри. Во всех стихах Полоцкого, посвященных русским царям, можно видеть, как автор с *благословения Божия* последовательно наделяет монарха «световыми» характеристиками:

В тебе надежду вси мы полагаем,
Яко тмы ношчной никогда познаем.
День светлый ныне за отца твоего,
Даст Бог, **день** будет за тя, сына его [1, с. 42].
.....
Тебе же дай Бог царствовать над нами,
Да велим **слонце сияет лучами** [1, с. 40–41].

Именно божественная благодать, ниспосланная в образе нового царя, заставляет поэта обратиться к метафорам света. Зарождение новой реальности требовало от поэтов создания утилитарно значимых для государства текстов, однако их связь с текстами Псалтыри не исчезает. Это касается творчества всех поэтов XVIII столетия. Об образах света в богослужебной гимнографии подробно размышляют в своих работах (см. список литературы) такие учёные, как М. Ф. Мурьянов, О. А. Сергеева и др. [2, 3].

Итак, уже в творчестве С. Полоцкого формируется световая топика, которую быстро подхватит следующая эпоха и разовьет в собственном направлении.

Одним из первых авторов начала XVIII века, в произведениях которого активно разворачивался «световой» сюжет, был Феофан Прокопович. Новое (петровское) время автор воспринял как эпоху «солнца» и «света», в свою очередь, прошлое отождествляется им с «печальной ночью». При этом важно обратить внимание на следующую деталь текста: «свет» оказывается неотделим от настоящего времени:

Прочь уступай, прочь,
Печальная ночь!
Солнце всходит,
Свет возводит,
Радость родит.
Прочь уступай, прочь,
Печальная ночь!
Коликий у нас
Мрак был и ужас!
Солнце Анна возсияла,
Светлый нам день даровала [4, с. 277].

Следует отметить, что Ф. Прокопович работал в жанре церковной проповеди, которую потом, по мнению некоторых исследователей, он трансформирует в жанр похвального слова. И только после написания своих знаменитых похвальных слов и речей Прокопович приступает к созданию оды. Соответственно, и световые формулы, первоначально присущие его церковным проповедям, затем разворачивающиеся в похвальных словах, переходят в поэзию (а именно, в оду). К примеру, в «Слове похвальном в день рождества благороднейшаго государя царевича и великого князя Петра Петровича» поэт соотносит рождение монарха с прототипами света – летом, полуднем, солнцем: «Тогда была тебе весна веселая, ныне лето плодоносное, тогда утро

было, ныне полудне, тогда новой, ныне же полной луне подобна еси, свет толикий от российского солнца издавшая, тогда в благородие царское восприята была еси, ныне же и сама благородие царское умножаеши» [5, с. 48].

Иными словами, жанр похвального слова генетически связан с жанром церковной проповеди. Из проповеди все атрибуты, свойственные Богу, механически переходят в жанр похвального слова и становятся атрибутами императора. И, как считает литературовед О. М. Буранок, «уподобление Петра солнцу – не только дань барочной традиции, но и стремление художника к естественнонаучной, рационалистической основе в своих доказательствах, логика которых выстраивается по принципам уже предклассицистической поэтики» [6, с. 168]. И так, в жанре оды «световые формулы» предстают в своем поэтически завершенном виде. Таким образом, можно даже говорить о динамике «световых формул» в творчестве Феофана Прокоповича.

«Световые» метафоры оказываются важной составляющей поэзии В. К. Тредиаковского. Поэт славит Россию, восхищается ее богатством и величием:

Россия мати! **Свет** мой безмерный!
Позволь то, чадо прошу твой верный,
Ах, как сидишь ты на троне красно!
Небо российску ты **солнце ясно!** [7, с. 20]

.....
Ты собой скипетр твой украсила,
И лицом **светлым** венец почтила [7, с. 20].

.....
Коль в тебе **звезды** все здравьем **блещут!** [7, с. 21]

По Тредиаковскому, Россия и есть свет. За этим уподоблением скрывается идея Святой Руси, то есть Руси, обладающей божественной благодатью.

Многочисленные вариации «светового» сюжета характерны для оды А. П. Сумарокова. «Антитеза «свет-тьма» – самый модный образ эпохи: человек побеждает тьму старины, символизирующей неверие, обскурантизм, невежество, ради света знаний, нового, того, что <...> несет счастье и славу России» [6, с. 159]. В сумароковской «Оде императрице Елисавете Петровне 25 ноября 1743 года» видим, как поэт использует данное противопоставление, сравнивая время до-царствования Елизаветы с ее приходом к власти:

Тобой восшел наш **луч полдневный**
На **мрачный** прежде горизонт,
Тобой разрушен облак гневный,
Свирепы звезды пали в понт [8, с. 49].

.....
Тобою правда днесь **сияет**,
И милосердие цветет,
Щедрота скипетром владает
И всех сердца к себе влечет [8, с. 51].

Великие преобразования, начатые Петром I, а затем подхваченные его дочерью Елизаветой, стали для Сумарокова символами света, прогресса, символами новой России. Соответственно, символами невежества, мрака, тьмы Сумароков считает время хаоса, когда трон пустует и некому править Россией.

Культивируемое тождество России и света, монарха и света способствовало изменению сознания. Все это наполняло читателей светлым чувством веры в могущество своей страны.

Описываемый нами мотив присутствует также в одах В. В. Капниста и В. И. Майкова. В оде В. В. Капниста «На истребление в России звания раба Екатериною второю, в 15 день

февраля 1786 года» мир светится, блестит и сияет благодаря царице, несущей России славу, а российскому народу – свободу:

Красуйся, счастлива Россия!
Восторгом радостным пыла;
Встречая времена **златые**,
Главу цветами увенчай;
В порфиру **светлу** облекися [9, с. 392].

.....
Теперь, о радость несказанна!
О день, **светляе** дня побед!
Царица, небом ниспослана,
Неволи тяжки узы рвет [9, с. 393].

.....
А ты, которая свободу,
Как животворный **свет**, даришь!
Знай, что российскому народу
Ты вечну славу цепь принять велишь [9, с. 394].

.....
В потомстве благодарны россы,
Наследники времен **златых**,
Воздвигнут в честь твою колоссы,
Блестящи славой дел твоих [9, с. 394].

Не менее ярким мотив света предстает и в одах В. И. Майкова. Царица Екатерина представлена поэтом в красивом солнечном облике. Деяния монархини соотносятся с солнечным лучом, «лиющим» миру свет:

Она суд с милостью спрягает,
Повинных кротко исправляет,
Заслугам мзду она дает;
Рукой науки покрывает,
Другую милость проливает,
Как **солнце луч** в пространный свет [10, с. 185].

.....
Москва красуется тобою,
Как небо **солнца** красотою,
Избавившись от грозных туч.
И таковой же ждут отрады
Твоей державы многи грады,
Да к ним **блеснет** твой **ясный луч** [10, с. 189].

Итак, видим, что использование «световых формул» на протяжении длительного времени предстает в идеологическом контексте: сам жанр оды предусматривает прославление подвигов и побед. Главные податели света, тепла и блеска (солнце, лучи) ассоциируются у поэтов в первую очередь с царским величием.

Вплоть до 1770–1780-х гг. наблюдается единство одической «топики». Несмотря на то, что в середине столетия формируются два направления в развитии оды – «ломоносовское» и «сумароковское», можно говорить и об относительном их единстве. Активное использование «световых формул» объединяло «сумароковскую» и «ломоносовскую» школы.

Вместе с тем уже в 1770–1780-е гг. «световые формулы» утрачивают свою «идеологичность».

Об этом свидетельствует поэтический мир Г. Р. Державина, в творчестве которого световые формулы изменяют свое значение. В его ранней оде «Фелица» встречается свет,

соотносимый с восхваляемой поэтом политикой Екатерины II. Поэт, которому императрица казалась идеалом «просвещенной монархини», пишет:

Тебе единой лишь пристойно,
Царевна! **Свет** из тьмы творить [7, с. 76].

Приведенный пример можно соотнести с космогоническим мифом о рождении мира из первозданной тьмы. Екатерина II выступает у Державина в качестве Творца, который своими всемогущими силами способен прогнать первородный хаос и подарить миру новую, светлую жизнь.

В «Фелице» мотив света представлен развернуто:

Который оком **лучезарным**
Шутам, трусам, неблагодарным
И праведным свой **свет** дарит;
Равно всех смертных **просвещает** [7, с. 79].

.....
Но где твой трон **сияет** в мире? [7, с. 80].

Как известно, «Фелица» отличается новизной и смелостью мысли и формы. Здесь поэт соединяет похвалу с сатирой, начав тем самым «разрушение» жанра торжественной оды. Однако изменения происходят лишь в жанрообразующих элементах, а рассматриваемый нами мотив света не претерпевает каких-либо существенных изменений вплоть до 1780-х гг. Именно в это время Державин почти освобождается от условностей идеологического жанра и сосредотачивается на поисках относительно свободных от жанровых условностей форм. Предметом изображения в его творчестве становится не идеологическая реальность, а мир как таковой (насколько это вообще было возможно в пределах литературы классицизма). Мир в державинской поэзии преисполнен света, он сияет, блестит, озаряется солнцем. Вселенная обретает свет, который становится теперь ее первичным состоянием. Отныне свет напрямую не связан с темой императорского величия, как это было в творчестве предшествующих поэтов. В державинской поэзии, таким образом, наблюдается выход за пределы одической идеологии. Свет (=сияние) становится у поэта свойством мира вообще, а не атрибутом конкретного монарха. На наш взгляд, именно в творчестве Державина происходит переосмысление мотива света. О семантике света в произведениях Г. Р. Державина также размышляет С.С. Аверинцев в книге «Поэты» [11].

В последней трети XVIII века в поэзии происходит ряд существенных изменений. Зарождается новое направление – сентиментализм, характеризующийся особым вниманием к душевному миру человека. В стихотворениях поэтов-сентименталистов (М. Н. Муравьев, И. Н. Дмитриев, Н. А. Львов, Н. М. Карамзин и др.) мы также обнаруживаем «световые формулы», однако они становятся теперь менее проявленными. Так, в творчестве М. Н. Муравьева первичной оказывается метафора ночи:

Как мрачны небеса явят присутствие ночи
И томные глаза сомкну уже на сон...[12, с. 381]

Отсюда солнышко недавно закатилось...[12, с. 383]

Умолкли голоса, и свет, покрытый тьмою,
Зовет живущих всех ко сладкому покою [12, с. 389].

Вообще следует отметить, что в поэзии М. Н. Муравьева свет впервые предстает как категория переменная, в то время как тьма властно заявляет свои права. Неслучайно поэт сосредоточен на живописании ночных состояний мира («Ночь»). День утрачивает свои

права, а солнечный свет становится выражением «минувшего», того, чем когда-то обладал поэт.

Дальнейшее развитие тема света нашла в стихах Кострова и Клушина. И, как считает А. В. Петров, «создавая, в сущности, солнечный «утренний» пейзаж, указанные авторы пролагали пути пейзажной лирике» [13, с. 38]. Действительно, в «Стихах на Новый 1781 год» Е. И. Костров описывает состояние природы в предвкушении нового облика:

Природа! воспряни, почувствуй силы новы,
Коль можно, хладныя потщись прервать оковы
И холмы снежные низринь с высоких плеч;
Спешь себя в цветы и в мягкий злак облечь.
Се быстрый исполин через эфирны волны
Стремит с высот **лучи, сиянья** нова полны,
И **златом и серебром**, о, вышних дар щедрот! [14]

Со временем функция «световых формул» переходит в иное качество. Свою идеологическую функцию тема света окончательно исчерпывает. Поэты все чаще используют метафоры света, чтобы передать человеческие чувства, сравнивая их с природными явлениями.

Свет отныне становится признаком природного мира, а не царского величия. Сентименталисты, метафорически «освещая» мир земной, вдохновлялись повседневными впечатлениями и изображали пейзаж.

Итак, в конце столетия, как видим, световые формулы изменяют свое первоначальное значение.

Чрезвычайно важно, что «световой сюжет» охватывает всю русскую литературу XVIII столетия, включая произведения, написанные на исходе этого времени. Даже у А.Н. Радищева в стихотворении «Осьмнадцатое столетие» весь XVIII век ассоциируется с дневным светилом:

Мрачные тени создади, впереди их **солнце**;
Блеск лучезарный его твердой скалой отражен [13, с. 632].
.....
О незабвенно столетие! Радостным смертным даруешь
Истину, вольность и **свет, ясно созвездье** вовек [13, с. 632].
.....
Ты исчисляешь **светила**, как пастырь играющих агнцев;
Нитью вождения вспять ты призываешь комет;
Луч рассечен тобой **света**; ты новые **солнца** воззвало [13, с. 633].

Вместе с тем свет у Радищева – это только одна сторона века Просвещения. Автор говорит о противоречивости данной эпохи, которая равным образом включает в себя и «свет», и «тьму». Здесь встречаются и описания войн, насилия («крови») как отличительных признаков столетия, и размышления о созидательном человеческом разуме, вера в светлое будущее. Отправной точкой концепции Радищева служит строка оды – «Столетье безумно и мудро». «После кульминационных строк (48–49) – гимна великому столетию, его «мудрости» – познающая историческая мысль автора в недоумении останавливается перед «неразумием» своего века, бессилием человеческого разума перед «духами ада» [13, с. 220]. Однако в контексте наших рассуждений важно то, что «переживший смертный приговор и ссылку Радищев продолжает верить в позитивную созидательность человеческой мысли, принесшей «радостным смертным», его современникам, «истину, вольность и свет» [13, с. 222]. Тем не менее у Радищева мы не обнаруживаем полного разрушения тьмы светом. Тьма и свет в «Осьмнадцатом столетии» – две равноправные стихии. Тьма равносильна свету, поэтому мы не можем

говорить, что у Радищева тьма отождествляется с прошлым, а свет – с настоящим и будущим. Думается, что к концу XVIII столетия произошло разрушение светового мифа.

Итак, как мы увидели, метафора света, характерная для литературы XVIII века, восходит к идее внутреннего просветления. Свет – «символ бессмертия, вечности, рая, чистоты, откровения, мудрости, интеллекта, величия, радости и самой жизни» [15, с. 323–324]. Все эти понятия близки по духу эпохе Просвещения. Русская литература не могла не отразить высоких веяний века. Мотив света, столь образно и ярко подчеркивающий основной смысл времени (просВЕЩение), был атрибутом поэтики просветителей. Таким образом, метафора света становится основной составляющей русской литературы XVIII века.

Ссылки / Reference

- [1] Полоцкий С. *Вирши* / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В. К. Былинина, Л. У. Звонаревой. М., 1990.
- [2] Мурьянов М. Ф. *Гимнография Киевской Руси*. М.: Наука, 2003. 451 с.
- [3] Сергеева О. А. «Свете Тихий»: Церковный гимн в русской поэзии: История. Богословие. Метафизика. Лингвистика. Поэтика : монография / Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2002. 140 с.
- [4] *Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв.* / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Л.: Советский писатель, 1970. 422 с.
- [5] Прокопович Ф. *Сочинения* / Под ред. И. П. Еремина. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961.
- [6] Буранок О. М. *Русская литература XVIII века: Петровская эпоха. Феофан Прокопович*. М.: Флинта, Наука, 2003. 336 с.
- [7] Муравьев В. «Благослови, поэт!..»: Антология поэзии пушкинской поры: Книга I. М.: Советская Россия, 1983. 272 с.
- [8] Сумароков А. П. *Стихотворения* / Вступ. ст., подгот. текста и прим. П. Н. Беркова. Л.: Советский писатель, 1953. 342 с.
- [9] *Русская поэзия XVIII века* / Под ред. С. Чулкова. М.: Художественная литература, 1972. 734 с.
- [10] Майков В. И. *Избранные произведения* / Вступ. ст., подгот. текстов и прим. А. В. Западова. М.–Л.: Советский писатель, 1966.
- [11] Аверинцев С. С. *Поэты*. М.: Языки русской культуры, 1996. 364 с.
- [12] *Русская литература. Век XVIII. Лирика*. М.: Худож. лит., 1990.
- [13] Петров А. В. *Оды «На Новый год», или Открытие времени. Становление художественного историзма в русской поэзии XVIII века : монография*. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского государственного университета, 2005.
- [14] Костров Е. И. *Стихотворения: Стихи на Новый 1781 год*.
URL: http://az.lib.ru/k/kostrow_ermil_iwanowich/text_1796_poe_olderfo.shtml
(дата обращения: 01.02.2016).
- [15] *Словарь символов* / Д. Тресиддер; пер. с англ. С.Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС: Издат. – Торг. дом «Гранд», 2001. 448 с.